

Весь Три Мира знал, что в Небесном мире обитает создание, которое нельзя назвать ни смертным, ни божеством, но которое изо дня в дни ухитряется баламутить всех небожителей. То оно разнесет в щепки Золотой Чертог какого-нибудь бога, то обломает цветы и травы, что с таким трудом взращивала Богиня Цветов.

Однако из-за его происхождения остальным божествам оставалось лишь закрывать на всё это глаза.

Сегодня отмечалось восьмитысячелетие со дня рождения Су Хуаняня, и в кои-то веки Линь Яньси вел себя тихо и примерно. Из-за этого другие небожители чувствовали себя даже несколько не в своей тарелке — перед тем как притронуться к еде и вину, они тщательно проверяли угощения на яд. И пусть обычный яд не способен убить небожителя, от одного отравления всё равно несколько дней промучаешься.

На день рождения Су Хуаняня, помимо даров от бесчисленных смертных Поднебесной, в Небесный мир явились и знатные особы кланов демонов и духов, чтобы лично почтить его.

В конце концов, во всех Трех Мирах — среди людей, богов и демонов — нашелся лишь один-единственный долгожитель, дотянувший до восьми тысяч лет.

— Небесный Владыка, не пора ли тебе обзавестись Небесной Царицей, чтобы вместе с ней править Тремя Мирами?

Да, слухи не врал, и все небожители слышали всё верно: этот несравненный по своей красоте Небесный Владыка был одинок уже восемь тысяч лет.

Сейчас за его личное счастье как раз переживал Юэ-лао: в конце концов, он был Владыкой, объединившим Три Мира, и оставлять его вечным холостяком — дело куда не годное.

— Подумай сам, Юэ-лао, сколько моему наставнику лет? Да кто за него вообще пойдет, — вставил сидевший неподалеку Линь Яньси, в чьих словах сквозило чистое ехидство. Нрав Су Хуаняня он знал вдоль и поперек: тот с самого рождения выглядел так, будто весь мир задолжал ему кругленькую сумму, а его надменный вид никому не позволял проникнуться к нему симпатией.

— Я... я согласна!

— И я согласна!

— И я!

...

Стоило Линь Яньси умолкнуть, как сидевшие внизу богини и принцессы клана демонов одна за другой стали поднимать руки, выражая согласие. Щеки некоторых даже покрылись нежным румянцем, словно они собрались выходить замуж прямо здесь и сейчас.

Глядя на эту толпу потерявших голову от восхищения девиц, Линь Яньси подумал, что оплеуха прилетела слишком быстро.

Впрочем, удивляться не стоило: хотя возраст Су Хуаняня внушал уважение, его внешность никак нельзя было назвать старческой. Скорее, он выглядел как молодой талантливый муж лет двадцати из мира людей. Главное — уродился писаным красавцем, с благородными и утонченными чертами лица. Будь Линь Яньси девушкой, его сердце тоже наверняка бы трепетало при виде Су Хуаняня.

Юэ-лао бросил на Линь Яньси косой взгляд и пропустил его шпильку мимо ушей, после чего повернулся к Су Хуаняню:

— Небесный Владыка, что ты сам об этом думаешь? Если кто-то пришелся тебе по душе, я с радостью свяжу вас красной нитью судьбы!

Су Хуанянь восседал на Золотом Кресле Дракона в непринужденной, но изысканной манере. Еле заметный острый блеск в его глазах даже не пытался скрыться, а уголки глаз таили легкий холодок. Окинув Юэ-лао беглым взглядом, он перевел взор на Линь Яньси, и холодность в его глазах мгновенно растаяла, сменившись мягкостью и улыбкой. Наконец он заговорил:

— Каково твоё мнение?

Среди небожителей пронесся ропот изумления. Небесный Владыка выбирает себе жену и при этом спрашивает мнения собственного ученика? Если это станет известно за пределами дворца, не посмеются ли над ними все Три Мира?

Куда это годится!

Линь Яньси, судя по всему, тоже никак не ожидал, что Су Хуанянь вдруг обратится к нему. С чего бы ему иметь какое-то мнение?

Хотя на душе у Линь Яньси скребли кошки, перед лицом всех небожителей ударить в грязь лицом он не мог. Пришлось ответить с показной вежливостью:

— Вопросы поиска наставницы подобает решать самому наставнику.

Су Хуанянь уставился на Юэ-лао, и каждое его слово, произнесенное тихим, но угрожающим голосом, весомо падало на весы:

— Ни одна из них мне не мила, и искать Небесную Царицу я не намерен. Прекрати впредь забивать себе голову моими делами, Юэ-лао. Если продолжишь упорствовать, береги свой Храм Юэ-лао.

— Небесный Владыка, ты должен думать о живых существах Трёх Миров! — не унимался Юэ-лао. — Если ты не возьмешь в жены Небесную Царицу, у тебя не родится сын, а без наследника кто займет твоё место?

Су Хуанянь с хрустом раздавил в пальцах чайную чашку и произнес:

— Юэ-лао, судя по твоим словам, ты считаешь, что я слишком долго зажился на свете?

Голос его звучал тихо, но обладал такой колоссальной властью, что Юэ-лао тут же захлопнул рот и больше не смел произнести ни звука.

В то же время остальные небожители зашептались между собой: не пережил ли Су Хуанянь в прошлом какую-то сердечную рану, раз отреагировал столь бурно? Но в Небесном мире не было никого старше самого Су Хуаняня, так что отыскать хоть какие-то подробности его личной жизни оказалось задачей невыполнимой.

Праздник подошел к концу, гости разошлись. Линь Яньси вимером примчался во Дворец Ханьгуан к Су Хуаняню и сгорающим от любопытства голосом затараторил:

— Наставник, из-за чего ты так упорно отказываешься найти мне наставницу? Сам живешь бобылем уже восемь тысяч лет, неужто тебе не одиноко?

Су Хуанянь: «?..»

Что за бред несет его ученик?

Заметив, что лицо Су Хуаняня почернело пуще тучи, Линь Яньси поспешно сдал назад:

— Наставник, я ничего такого не имел в виду! Просто мне любопытно, вот и решил расспросить тебя о делах минувших. Не хочешь отвечать — не надо, считай, что я ничего не спрашивал.

Су Хуанянь бросил перед Линь Яньси экземпляр Дао Дэ Цзин и сурово приказал:

— Раз тебе до смерти скучно, выучишь наизусть этот Дао Дэ Цзин.

Больше всего на свете Линь Яньси ненавидел читать книги, писать и упражняться с мечом. Он уже целых восемь веков таскался за Су Хуанянем в учениках, но тот так и не обучил его ни единому заклинанию. В лучшем случае — давал крупички духовной силы для самозащиты и побега, которые, впрочем, не обладали никакой атакующей мощью.

Встреть он в путешествиях какого-нибудь свирепого демона или злого духа, неужели ему отбиваться исключительно техникой владения мечом? Так ведь и помереть со страху недолго.

Недовольно забурчав под нос, Линь Яньси запротестовал:

— Наставник, давай я не буду учить этот Дао Дэ Цзин! Лучше обучи меня какому-нибудь заклинанию? Иначе в будущих стычках я умею только бегать, а если разнесется слух, что я твой ученик, разве не твое лицо я опозорю?

— Можешь всем говорить, что я тебе не наставник.

Линь Яньси: [...]

— Выучишь Дао Дэ Цзин — завтра же проверю, чего ты добился, — бросил Су Хуанянь, поднимаясь с места, и оставил Линь Яньси одного во Дворец Ханьгуан корпеть над книгой.

Бормоча про себя строки из Дао Дэ Цзин, Линь Яньси думал совсем о другом: а вдруг Юэ-лао за его спиной все-таки сведет Су Хуаняня с кем-то по своей воле с помощью красной нити?

Чем больше он об этом размышлял, тем сильнее тревожилось его сердце. Бросив Дао Дэ Цзин, он со всех ног пустился в Храм Юэ-лао.

Юэ-лао как раз был занят сплетением красных нитей — каждый день смертные возносили молитвы о даровании любви, так что он оставался самым загруженным божеством Небесного мира.

Линь Яньси внезапно вынырнул прямо перед ним и с порога выпалил:

— Юэ-лао, эти красные нити случайно не для моего наставника заготовлены?

Застигнутый врасплох внезапным появлением Линь Яньси, Юэ-лао едва не рухнул со стула. Опомившись, он принялся торопливо сматывать и прятать нити, смертельно боясь, что этот проказник снова прервет его многодневный труд и предаст их пламени.

Подозрительное поведение Юэ-лао лишь укрепило Линь Яньси в его догадках. Он тут же схватил припасенные заранее ножницы, намереваясь покровсать злосчастные нити.

Вот только нити он не задел, зато срезал у Юэ-лао бороду, которую тот отращивал несколько тысяч лет!

Труды всей жизни пошли прахом. Юэ-лао, чье лицо от гнева стало багровым, больше не мог сдерживаться: его некогда гладкая борода теперь торчала клочьями во все стороны, и показываться с таким видом на глаза другим небожителям было просто стыдно.

— Линь Яньси, не думай, что раз за тебя горой стоит Небесный Владыка, я стерплю любые твои выходки! — взвизгнув, Юэ-лао резво вскочил на ноги и потащил наглеца за собой во Дворец Ханьгуан. — Я тебе так скажу: если сегодня же Небесный Владыка не накажет тебя по заслугам, я слагаю с себя обязанности Юэ-лао! Неблагодарная это работа — только нервы трепать!

Всю дорогу Юэ-лао громко ругался на чем свет стоит, волоча за собой упирающегося Линь Яньси, а попадавшиеся навстречу небожители лишь прикрывали лица рукавами, скрывая хохот.